

РИЗРАЧНЫЕ ОГНИ

СВЯТОГО ГОРОДА

Максим Орлов

Призрачные огни святого города

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Призрачные огни святого города / М. В. Орлов — «Автор», 2026

Святоград — последний оплот человечества в мире, поглощённом Туманом. Город держится на Призрачных Огнях — фонарях, в которых горят души святых. Но фонари гаснут один за другим, и Туман наступает. Яромир «Кривой», Искатель, потерявший дозор в Тумане пять лет назад, находит на месте исчезновения стражников медную пуговицу от рясы Хранителя. Это первая нить, потянув за которую он распутает клубок лжи, тянувшийся на триста лет назад. Дарина «Медная», послушница Храма, обнаруживает в архивах страшную правду: её мать, почитаемая как святая, была замурована в фонарь живой. Медный браслет — последний подарок матери — остывает, и Дарина понимает: мать зовёт её Святослав, Владыка Тумана, двадцать лет блуждающий во мгле, слышит имена всех, кто горит в фонарях. Он идёт к городу не чтобы разрушить, а чтобы освободить. Но цена свободы — гибель тысяч. Когда Третий Круг прорван и город сжимается, трое героев сходятся у Первого Фонаря. Мир, где магия имеет цену, где Туман дышит, а фонари — тюрьмы для душ.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА ОТ АВТОРА	5
Глава 1. Пролом	7
Глава 2. Архив	10
Глава 3. У Врат	15
Глава 4. Лазарет	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Призрачные огни святого города

ГЛАВА ОТ АВТОРА

Мир, который дышит

Эта книга родилась из простого вопроса: что если свет, который нас защищает, — на самом деле тюрьма?

Я долго думал о природе защиты и цены, которую мы за неё платим. В нашем мире мы часто принимаем системы, не задумываясь о том, на чём они построены. Святоград — это метафора любого общества, которое выживает ценой чьей-то свободы, чьей-то боли, чьей-то жизни. Фонари, в которых горят души отказниц, — это не просто фантастический элемент. Это вопрос: на каких жертвах построено наше благополучие и готовы ли мы посмотреть правде в глаза?

Туман в этой книге — не просто враг. Он среда, которая дышит, которая помнит, которая меняет тех, кто в неё входит. Я хотел создать угрозу, которая не подчиняется привычной логике. Туман нельзя победить мечом или магией — с ним можно только сосуществовать, понять его правила, найти способ жить рядом. Как и со многими реальными угрозами нашего мира.

Герои этой книги — не супергерои. Яромир — человек, который потерял слишком много и боится забыть ещё больше. Дарина — девушка, которая всю жизнь верила в ложь и теперь должна найти свою правду. Святослав — тот, кто услышал крик душ и не смог жить с этим знанием. Каждый из них сломан по-своему, и каждый ищет способ не просто выжить, а остаться человеком.

Я писал эту книгу в мире, который сам переживает непростые времена. И часто думал о том, как легко мы принимаем системы, которые нас окружают, как трудно увидеть их насквозь, как страшно признать, что правда может оказаться хуже лжи — но что без этой правды невозможно движение вперёд.

Первосвет в этой книге — не просто древний фонарь. Это свидетель. Он помнит всё: каждую ложь, каждую жертву, каждую неспетую песню. И когда он наконец говорит, он не даёт ответов. Он даёт выбор. Потому что ответы — это конец пути, а выбор — это начало.

Я надеюсь, что эта книга заставит вас задуматься о том, какие фонари горят в вашем мире, чьи души в них горят и готовы ли вы услышать их крик.

Спасибо, что читаете.

[Максим Орлов]

[Сентябрь, 2026]

Глава 1. Пролом

Казарма пахла потом, дымом и чем-то сладковатым — не от еды, а от Тумана. Он просачивался сквозь щели в стенах, оседал на вещах и въедался в ткань. Искатели привыкли: не замечали или делали вид, что не замечают.

Яромир открыл глаза. Он не вскинулся — вскидываются те, у кого есть силы вскидываться. Он просто перестал спать: тело действовало само. Рука была под подушкой, пальцы лежали на рукояти. Нож был холодным — и это было хорошо: холод означал, что никто его не трогал.

Потолок был низким, балки — чёрными от копоти. На балке виднелась трещина, которая тянулась от левого угла к правому, словно шрам. Яромир смотрел на неё каждое утро уже пять лет — не из сентиментальности, а потому, что трещина оставалась постоянной. В мире, где всё менялось — фонари гасли, люди исчезали, Туман наступал, — эта трещина не исчезала, и это его успокаивало.

Он вдохнул. Воздух был сырым и тяжёлым, пах мокрой землёй и чем-то сладким. Это была не просто казарма — это был Пролом: Туман уже просочился внутрь.

Яромир сел, и колени хрустнули, будто старые петли, а спина заныла — не от сна, а оттого, что спал он на камне, а не на войлоке. Значит, его принесли сюда. Значит, он уснул там, где не должен был. Это было плохо.

Он посмотрел вниз. Нары были пустыми: большинство Искателей ушли в Туман, а те, кто остался, спали или делали вид, что спят. На соседних нарах лежал Глеб «Ночной»: глаза были открыты, он смотрел в потолок. Он не спал уже трое суток — с тех пор, как вернулся из Тумана. Говорил, что боится: если закроет глаза, Туман зайдёт внутрь.

— Ты куда? — спросил Глеб. Голос у него был хриплым, как и у Яромира, как у всех Искателей — от Тумана.

— На Пролом. Пропал дозор.

Глеб кивнул. Он не стал спрашивать, кто пропал и когда: все и так знали, что если дозор не вернулся, спрашивать нечего.

Яромир встал. Сапоги были на месте, шнурки — завязаны: левый — первым, потом правый. Он завязывал их так же, как Лена. Не потому, что верил, будто она вернётся, а потому, что руки помнили её привычку.

Плащ висел на гвозде: серый, грубый, в три слоя, пропитанный воском. «Саван», — думал Яромир, но не произносил этого вслух: вслух такое говорили только дураки.

Он вышел.

Третий Круг просыпался неохотно, словно старик, который заранее знал, что день не принесёт ничего хорошего. Улицы были узкими, кирпичными, с низкими потолками; дома жались друг к другу, будто боялись открытого пространства. Окна были маленькими и закопчёнными, двери — низкими, чтобы тепло не уходило, крыши — плоскими, чтобы на них не задерживался снег. Всё здесь было устроено против Тумана, всё здесь служило выживанию.

Яромир шёл по улице, и сапоги — Мишкины, которые он надел по привычке, хотя они были на размер меньше, — звенели по камню. Этот звон напоминал звук гаснущего фонаря. Он не оглядывался: у Врат Тумана не оглядываются, даже если слышат голос, даже если этот голос — собственный.

Фонари горели: восемьдесят — на стенах, двенадцать — на Первом Круге, один — в центре. Их синий свет был ровным, не мерцал и не грел, но Туман к нему не подходил. Яромир

считал фонари, проходя по улице: до восьми, до двенадцати, до восьмидесяти. Он делал это не для контроля, а чтобы помнить: сейчас их восемьдесят, а раньше было сто двадцать.

Мимо прошла женщина с корзиной. Она посмотрела на него и тут же отвела взгляд — не от страха, а от узнавания. Она знала, кто он: Искатель, тот, кто вернулся. Не все возвращались, а те, кто возвращался, уже не были прежними.

У пекарни стояла очередь. Хлеб был чёрным, вчерашним: свежий был слишком тяжёл для желудков, которые после Тумана работали, как у стариков.

Яромир остановился и посмотрел на очередь: в ней стояло двенадцать человек. Все молчали, никто не смотрел друг на друга — все смотрели в землю, на хлеб или на фонарь. Он вспомнил, как пять лет назад сам стоял в такой же очереди: тогда люди разговаривали, шутили, спорили, смеялись. Сейчас царила тишина — не от страха, а от усталости, от того, что слова просто кончились.

Он пошёл дальше.

У кузни работал Данила «Тяжёлая Рука». Молот был в его правой руке, а левой, лишённой пальцев, он крепко держал заготовку. Лицо было в саже, а глаза казались белыми, как у мертвеца, — но это было не от магии, а оттого, что он слишком долго смотрел в огонь.

— Здоров, — сказал Яромир.

Данила поднял голову, посмотрел на него и кивнул.

— Куда?

— На Пролом.

Данила остановил молот и долго смотрел на Яромира, а потом произнёс:

— Мишка там. И Васька.

— Я знаю.

— Не ходи.

— Почему?

Данила пожал плечами.

— Там что-то не так. Стража не вернулась, а одежда сложена.

Яромир кивнул.

— Я знаю.

Данила вернулся к работе: молот опускался вниз, искры взмывали вверх, лицо оставалось в саже.

Яромир пошёл дальше.

У Кирпичных врат стояла стража — двое молодых людей с серыми от недосыпа лицами. Один держал алебарду, другой — факел. Факел горел, но дым шёл не вверх, а в сторону, будто его тянуло к Туману, хотя ветра не было.

— Пропуск, — сказал стражник с алебардой.

Яромир показал медный искательский жетон с вытертым профилем. Стражник взглянул на него и кивнул — не из уважения, а из усталости: под его глазами, как и под глазами Яромира, лежали тяжёлые мешки.

— Туда не ходи, — сказал стражник. — Туман густой, ползуны у ног.

— Я знаю.

— И не один ты: там ещё двое пропали — Мишка и Васька.

— Я знаю.

Стражник хотел добавить что-то ещё, но передумал и просто отступил. Ворота скрипнули: петли окислились, металл был источен язвами, на камне виднелись бурые подтёки.

Яромир шагнул за ворота.

Пролом был не просто местом — это было состояние. Стена рухнула год назад, когда погасли два фонаря: Туман вошёл, и кладка рассыпалась, словно гнилой зуб. Хранители заложили пролом кирпичом, но Туман всё равно просачивался сквозь щели. Чёрный иней покрывал кирпичи не снаружи, а изнутри, будто мороз шёл из города к Туману, а не наоборот.

Яромир остановился и огляделся. Одежда была аккуратно сложена, сапоги стояли рядом, оружия не было. Он присел на корточки: колени хрустели, спина ныла, руки были холодными, а пальцы плохо слушались. Он потрогал ткань: она была влажной, но не от дождя — от Тумана, который был тёплым, словно пар над кипятком, словно тепло ещё недавно живого тела.

Это была Мишкина рубаха — серая, грубая, с заплатами на локтях. Мишка носил её три года — не потому, что был беден, а потому, что привык. Яромир провёл рукой по ткани; его пальцы дрожали — не от холода, а от понимания: Мишка никогда не ушёл бы без этой рубахи, без сапог, без меча.

Мишка был мёртв. Нет, не мёртв — потому что мёртвым называют того, чьё тело нашли, а здесь тела не было. Осталась только одежда, и это было страшнее: мёртвый — это конец, а одежда — это вопрос. Куда он делся? Кто его забрал? Почему ушёл без борьбы? Яромир сжал кулаки: пальцы побелели, костяшки выступили. Он не плакал — не потому, что не хотел, а потому что не мог: в Тумане слёзы замерзают, а здесь уже был Туман.

Он медленно встал: колени хрустнули, спина снова заныла. Он посмотрел на стену: кирпичи были мокрыми, иней — чёрным, а на одном из камней виднелась свежая царапина. Кто-то скреб ногтем — не чтобы оставить знак, а чтобы удержаться.

Яромир провёл пальцем по царапине. Ноготь был сломан, кровь — засохшей. Это была Мишкина кровь.

Он закрыл глаза — всего на секунду, потому что в темноте видел лучше: в темноте он снова оказывался там, в Тумане, пять лет назад. Дозор. Лена. Мишки тогда ещё не было в его отряде — он появился позже. Лена не вернулась. Мишка не вернулся. А он вернулся — один.

Он открыл глаза.

На складке одежды что-то блеснуло. Яромир наклонился и поднял предмет: это была медная пуговица — не от мундира стражи, а от рясы Хранителя. Он сжал её в кулаке: медь была тёплой, будто хранила тепло чьего-то тела. Он не знал, чьего именно, но понимал: Хранители сюда не ходят, и они не теряют пуговиц. Значит, здесь побывал кто-то, кто не был стражником.

Колокол снова звякнул — тихо, словно извиняясь.

Яромир встал и посмотрел на Туман: он был густым, серо-зелёным, и внутри него что-то двигалось само по себе, не от ветра.

Он повернулся и пошёл к Вратам. Сапоги были Мишкиными, железо на подошвах звенело по камню — этот звон снова напоминал угасающий фонарь. Он не оглядывался.

Глава 2. Архив

Колокол звенел тихо. Дарина знала этот звон: тихий звон означал не прорыв, не атаку, не катастрофу — он означал уход. Ещё один фонарь погас, ещё одна душа выгорела, ещё одна свеча в Свечной палате превратилась в чёрный фитиль.

Она открыла глаза. Потолок каменной кельи нависал низко и давил. Трещина в углу, та самая, что тянулась от левого края к правому, казалась сегодня глубже — будто камень устал держать небо.

Дарина села. Её позвоночник щёлкнул сухо, как старая ветка; жёсткое ложе не прощало ошибок. Она спала четыре часа — меньше, чем обычно: звон разбудил её раньше.

Рука сама потянулась к запястью. Медный браслет был на месте — тёплый, всегда тёплый. Мать говорила, что медь хранит тепло тела, и Дарина верила — пока не узнала, что тело матери сгорело. Теперь она думала: медь хранит тепло памяти, а память горячее, чем плоть.

Она встала, и ноги затекли, а холодный пол колот ступни через тонкие носки. Сапоги отца стояли у двери — большие, мягкие, на два размера больше. Она надела их, подложила войлочные стельки, но они всё равно болтались: привычка сильнее комфорта.

Ряса висела на гвозде — серая, грубая, в три слоя. Она надела её и поправила складки, добиваясь ровных линий: ритуал успокаивал. Поправила ворот. Проверила нож у пояса — маленький, с костяной рукоятью, для бумаги, для защиты, для всего.

Вышла в коридор.

Коридор Храма был длинным, низким, каменным. Факелы на стенах горели неровно — три из пяти погасли за последний месяц. Хранители говорили: «Экономим масло». Дарина знала: масла нет, благодати нет, света нет — есть только инерция привычки.

Она шла тихо: мягкие подошвы сапог не издавали звука, руки были сложены на груди, взгляд опущен. Послушница, невидимка — так учили, так выживали.

Мимо прошла Агафья, старшая надзирательница келий. Лицо Агафьи было как пергамент — сухое, исписанное морщинами, жёлтое от восковых испарений. Она посмотрела на Дарину, не остановилась, кивнула.

— Ты рано, дочь, — сказала Агафья. Голос был скрипучим, как дверь без смазки.

— Звон разбудил, сестра.

— Звон всегда будит тех, кто слушает.

Агафья прошла дальше. Дарина замерла. «Тех, кто слушает». Что это значило? Угрозу? Предупреждение? Или просто старческую мудрость, облечённую в туманные слова?

Дарина продолжила путь. Сердце билось чаще — не от страха, а от ожидания. Сегодня она должна была найти ответ, тот самый, который прятался в пыльных свитках под Свечной палатой.

Свечная палата встретила её запахом гари и холода. Зал был огромным, высоким, с колоннами, уходящими в темноту свода. Вдоль стен стояли ряды подсвечников: восемьдесят горели, сорок стояли пустыми. Чёрные фитили торчали, как выбитые зубы.

Дарина остановилась у входа и посчитала. Восемьдесят. Вчера было восемьдесят один. Значит, ночью погас святой Горислав — тот, чей фонарь звенел шестую ночь, тот, чью нить Хранители не хотели обрезать.

Она подошла к ряду и нашла место Горислава. Свеча догорела: воск натёк на подсвечник, застыл грязной лужей, фитиль почернел. Дарина протянула руку, хотела потушить остаток огня, но пламя уже само угасло. Остался только дымок — тонкий, серый, поднимающийся вверх, к своду.

«Прощай, Горислав», — подумала она, не вслух: вслух нельзя, вслух — значит признать смерть. А Хранители учили: святые не умирают, они переходят. Ложь.

Дарина отвернулась и пошла к лестнице, ведущей вниз, в Архив.

Лестница была узкой, винтовой, каменной; ступени стёрты тысячами ног. Дарина спустилась, держа в руке огарок свечи. Свет дрожал, выхватывая из темноты клочки пространства: сырые стены, паутина в углах, пыль, лежащая веками.

Архив пахнул иначе, чем Храм. Здесь не было ладана — здесь пахло бумагой, клеем, старой кожей, пылью. И чем-то ещё, чем-то сладковатым, знакомым: лавандой. Запах матери.

Дарина остановилась и вдохнула глубже. Запах был слабым, почти неуловимым. Может, ей показалось? Может, это просто запах старых трав, которыми перекладывали свитки? Нет — это была лаванда. Мать шила свечи из воска с лавандой, говорила, что лаванда отгоняет злых духов. Дарина смеялась тогда: какие духи в Святограде? Есть только Туман, а Туман лавандой не отгонишь.

Она пошла между стеллажами. Высокие шкафы из тёмного дерева уходили вверх, теряясь во мраке. Полки ломились от свитков, книг, пергаментов — здесь хранилась история города, история лжи.

Дарина знала, куда идти: она бывала здесь тайком много раз, читала запрещённые книги отца, изучала карты, искала правду. Но сегодня она искала конкретное дело — дело № 14, Первосвет. Та запись в реестре матери: «См. дело № 14. Первосвет». Что это значило? Почему имя матери связано с Первосветом? Почему эта запись сделана другой рукой, позже?

Она дошла до третьего ряда, седьмой полки. Свитки за тридцать лет назад — год, когда выбрали Милославу. Руки дрожали — не от холода, а от страха, и страх был липким, холодным, забирался под одежду. Что, если она найдёт то, чего не хочет знать? Что, если правда окажется хуже лжи?

Она потянулась к свитку. Пальцы коснулись пергамента — грубого, шершавого, пахнущего временем. Она вынула свиток и развернула.

Чтение. Имя: Милослава. Возраст: 22 года. Статус: Сирота. Родня: Отсутствует. Приданое: Отсутствует. Согласие: Прочерк. Причина выбора: «Бесприданна, без родни, удобна для ритуала».

Дарина закрыла глаза. Воздух вышел из лёгких резко, со свистом. Удобна. Не избрана, не благословлена, не добровольна — удобна. Как вещь, как инструмент, как расходный материал.

Она открыла глаза. Строки плясали перед взглядом, слезы защипали веки. Она не заплакала — плакать было нельзя: слёзы размывают чернила, а ей нужно было видеть чётко.

Она перевернула страницу. Дальше шли протоколы ритуала: описание входа в огонь, крики, молитвы, имена свидетелей. И внизу — приписка другим почерком, чернила свежее, чернее: «См. дело № 14. Первосвет. Отказница.»

Отказница. Слово ударило сильнее, чем «удобна». Отказница — та, кто отказался войти в огонь добровольно, та, кого пришлось заставить, та, кого сожгли против воли. Мать была отказницей.

Дарина почувствовала, как земля уходит из-под ног. Мир качнулся, стеллажи поплыли. Она схватилась за край полки, чтобы не упасть. Почему ей не сказали? Почему все эти годы она верила, что мать — святая, что мать — героиня, что мать выбрала свой путь? Ложь. Вся жизнь — ложь.

Она свернула свиток и сунула его за пояс, под рясу. Пергамент шуршал, царапал кожу, но она не чувствовала боли — только огромную, чёрную пустоту внутри, которая росла, заполняя всё пространство груди.

Нужно было уйти. Сейчас же — пока не заметили, пока не спросили, почему она здесь, пока не увидели слёз. Она повернулась и пошла к лестнице, быстро, почти бежала.

На полпути остановилась. Услышала звук — шаги. Тяжёлые, размеренные: кто-то спускался по лестнице.

Дарина замерла. Прижалась к стеллажу, выдохнула, погасила свечу. Темнота накрыла её мгновенно — густая, непроницаемая.

Шаги приближались. Кто это? Стража? Хранитель? Агафья? Она задержала дыхание: сердце колотилось так громко, что казалось, его слышно в тишине Архива.

Шаги остановились рядом, совсем рядом. Дарина увидела силуэт — высокий, широкий, в рясе.

— Дарина? — голос был тихим, хриплым, знакомым.

Лука. Лекарь. Костоправ. Тот, кто лечил Искателей, тот, кто молчал больше, чем говорил.

Дарина не ответила — не могла: горло сжалось.

— Я знаю, что ты здесь, — сказал Лука. — Я видел, как ты спустилась.

Он сделал шаг вперёд, и свет факела в его руке выхватил её лицо из темноты. Дарина моргнула — глаза привыкали к свету. Лука стоял перед ней: лицо уставшее, глаза впалые, в руке — факел, во второй — ключ от Архива.

— Ты нашла? — спросил он. Не уточнял, что именно — он знал.

Дарина кивнула медленно.

— И что теперь? — спросил Лука.

— Не знаю, — прошептала Дарина. Голос сорвался. — Не знаю, что делать.

Лука вздохнул тяжело, будто сбросил груз.

— Идём, — сказал он. — Здесь оставаться опасно: Агафья скоро придёт проверять свечи.

— Куда?

— Ко мне, в лазарет. Там безопаснее. И там... там я расскажу тебе остальное.

Дарина колебалась. Доверять ему? Тому, кто молчал двадцать лет? Тому, кто лечил тех, кого отправляли в Туман? Но выбора не было — одна она не справится, ей нужен союзник, даже если этот союзник — часть машины, которая сожгла её мать.

— Хорошо, — сказала она.

Лука кивнул и повёл её к выходу.

Они поднялись по лестнице, вышли в коридор. Коридор был пуст, факелы горели тускло. Дарина шла рядом с Лукой, чувствуя тепло его плеча — тепло живого человека. И вдруг поняла: она больше не одна. Но это знание не принесло облегчения — оно принесло новый страх, страх того, что правда окажется ещё страшнее, чем она думала.

Лазарет Луки находился во Втором Круге, недалеко от кузнечного ряда. Это был бывший постоянный двор — длинное бревенчатое здание с низкими окнами. Внутри пахло травами, дымом и кровью.

Лука завёл Дарину в дальнюю комнату — маленькую, с одним окном, занавешенным плотной тканью. На столе горела лампа, на полках стояли банки с настойками, связки трав, инструменты.

— Садись, — сказал Лука и указал на скамью.

Дарина села. Вынула свиток из-за пояса, положила на стол. Лука посмотрел на свиток, не тронул.

— Ты прочитала, — сказал он.

— Да.

— И поняла?

— Поняла, что мать была отказницей, что её сожгли против воли.

Лука кивнул. Сел напротив, положил руки на стол — руки были большими, мозолистыми, с шарами. Руки хирурга.

— Это не вся правда, Дарина, — сказал он тихо.

— Какая ещё?

— Милослава не просто отказалась. Она услышала.

— Услышала? Что?

— Крики. Крики тех, кто уже горел в фонарях. Она услышала их боль, их ужас, их мольбу об освобождении. И она сказала об этом Хранителям.

Дарина замерла.

— И что они сделали?

— Замолчали. А потом решили, что она опасна: что её знания могут разрушить веру людей, что если другие узнают правду — город падёт.

— Поэтому её сожгли? Чтобы заткнуть рот?

— Чтобы заткнуть рот навсегда. Живая отказница — свидетель. Мёртвая святая — символ.

Дарина почувствовала, как холод пробегает по спине.

— А ты? — спросила она. — Ты знал?

Лука опустил голову.

— Я был молодым Хранителем тогда. Мне приказали участвовать в ритуале. Я видел, как её вели к огню, видел, как она смотрела на меня — не с просьбой о помощи, а с упрёком.

Он замолчал. Руки сжались в кулаки.

— Я не смог её спасти, — прошептал он. — Я был трусом.

— А теперь?

— Теперь я искупаю. Лечу тех, кого отправляют в Туман, лечу тех, кто возвращается изменённым. Пытаюсь сохранить хоть немного человечности в этом аду.

Дарина смотрела на него. Видела усталость в его глазах, вину, боль.

— Почему ты рассказал мне сейчас? — спросила она.

— Потому что время пришло, — сказал Лука. — Фонари гаснут, Туман наступает. И есть тот, кто хочет положить этому конец.

— Кто?

— Владыка Тумана.

Дарина вспомнила легенды, страшилки для детей. Владыка Тумана — демон, который живёт во тьме и ждёт конца света.

— Он существует?

— Да. И он — не демон. Он — человек. Бывший Искатель, тот, кто услышал крики громче всех, тот, кто ушёл в Туман, чтобы найти способ освободить души.

— И что он хочет?

— Погасить Первый Фонарь. Освободить всех сразу.

— Но город погибнет!

— Да. Но души будут свободны.

Дарина покачала головой.

— Это безумие. Убить тысячи ради спасения сотен?

— Это выбор, Дарина. Выбор между жизнью тела и свободой духа. И этот выбор придётся сделать тебе.

— Мне? Почему мне?

Лука посмотрел на неё пристально.

— Потому что ты — дочь отказницы. Потому что твоя кровь — проклятие и благословение одновременно. Потому что Первосвет слышит тебя.

Дарина вспомнила звон в браслете, тепло меди.

— Что ты имеешь в виду?

— Скоро узнаешь, — сказал Лука. — А пока — отдохни. Тебе нужны силы. Завтра будет тяжёлый день.

Он встал и подошёл к двери.

— Спи, Дарина. И молись. Не Богам. Себе.

Дверь закрылась. Щёлкнул замок. Дарина осталась одна — в маленькой комнате, со свитком на столе, с правдой, которая жгла душу.

Она легла на скамью и закрыла глаза. Но сон не шёл. Вместо сна — крики, тихие, далёкие, но отчётливые: крики душ в фонарях. И среди них — один голос. Голос матери.

«Дарина... помоги...»

Конец главы 2

Глава 3. У Врат

Шёпот дошёл до него — сквозь стены, сквозь Туман, сквозь двадцать лет молчания.

«Дарина... помоги...»

Святослав остановился. Это было не его имя — это было имя той, кого он знал как Мило-
славу. Дочери. Той, что осталась в городе. Он поднял голову и пошёл к Вратам.

Туман дышал. Не ветром — ветром дышат живые. Туман дышал иначе: сжимался и раз-
жимался, как лёгкое, которое не принадлежит телу. Вдох — и серо-зелёная мгла становилась
гуще, плотнее, теплее. Выдох — и она расступалась, открывая кусок пространства, чтобы через
мгновение сомкнуться снова.

Святослав стоял в центре этого дыхания. Босые ступни — на мокрой земле. Земля здесь
была тёплой, как тело, которое только что покинуло душу. Он не чувствовал холода, не чув-
ствовал тепла — чувствовал ритм. Ритм Тумана, который стал его собственным ритмом два-
дцать лет назад.

Он не спал, не ел, не пил — Туман питал его, не калориями, а распадом. Каждое мгно-
вение где-то в городе гасла свеча, где-то выгорала душа, где-то рвалась серебряная нить, и
каждый такой миг — капля энергии — впитывался в него, как дождь в землю. Он не выбирал,
он не мог не впитывать.

Капюшон был на голове. Грубая ткань, пропитанная воском — старым, потрескавшимся.
Когда-то он держал Туман на расстоянии шага, теперь — не держал. Но Святослав носил капю-
шон не для защиты, а для памяти — чтобы помнить: когда-то он был человеком, который
боялся.

На груди — медная цепочка, под плащом, без медальона. Медальон был потерян, цепочка
осталась. Как у Яромира, только Яромир об этом не знал.

В правой руке — амулет. Осколок стекла от первого погашенного фонаря: мутного, с
трещиной. Внутри застыла капля синего света — холоднее Тумана, холоднее его собственной
крови. Он держал амулет, когда шёл, держал, когда стоял, держал, когда слушал.

Он слушал. Имена. Сотни имён. Шёпот, пение, молчание. Каждое — со своей интона-
цией. Святой Власий шептал. Святая Милослава пела. Святой Горислав молчал, и его молча-
ние было громче всех. И одно имя, звучавшее сегодня громче остальных — Лука. Не крик,
не мольба — просто имя, ровное, как дыхание. Это значило: Лука не в фонаре, Лука жив.
Но Лука зовёт — не словами, а самим фактом своего существования. Между ними стена из
города, стена из лжи.

Святослав сжал амулет. Пальцы — длинные, с чёрными ногтями. Ногти — не от грязи:
кровь под ними свернулась двадцать лет назад и не обновлялась. Он не чувствовал боли от
сжатия, чувствовал только холод стекла.

Рассвет приближался. Он узнавал это не по свету — в Тумане света не было — а по
звуку. На рассвете Туман менял ритм: дыхание становилось реже, как будто он засыпал. Или
притворялся, что засыпает. Это значило: Зовущие проснутся.

Он шёл к Вратам медленно — не потому что устал, усталость была ему незнакома, а
потому что каждый шаг это шаг к городу. А город давил. Даже отсюда, даже сквозь Туман,
даже сквозь стены — город давил. Свет, запах жизни, пот, хлеб, дым — для него яд.

Врата показались из мглы: деревянные, окованные железом. Петли окислились, металл
источён язвами, бурые подтёки на камне. На притолоке — знак: рука с раскрытой ладонью.
«Возвращайся с пустыми руками». Старая поговорка Искателей, ставшая благословением.

Святослав остановился в десяти шагах от Врат. Ближе не мог — не потому что Туман не пускал, а потому что Свет за Вратами жёл. Даже сквозь дерево, даже сквозь камень — жёл.

Перед Вратами — семеро. Зовущие. Они стояли в ряд: руки опущены, головы чуть наклонены, как будто ждали, как будто молились. Но не Богу, не Туману — ему. Святославу.

Он знал каждого — не по лицу, лица у Зовущих были размыты, как отражение в мутной воде, — а по позе, по тому, как стояли, как держали руки.

Первый — высокий, с широкими плечами. Когда-то был кузнецом, звали Тарас. Погиб в Тумане восемнадцать лет назад. Осталось только имя и поза — кузнецкая, с чуть разведёнными ногами, как будто он всё ещё держал молот.

Второй — маленький, сутулый. Ремесленник. Имя не помнил, когда погиб — тоже не помнил. Поза ремесленная, с наклонённой головой, как будто он всё ещё рассматривал работу.

Третий — женщина. Высокая, с длинной косой, которая не шевелилась, хотя Туман дышал. Имя — Маланья. Погибла двенадцать лет назад. Искательница. Попала в Складень, не вышла.

Четвёртый, пятый, шестой — без имён, без лиц. Просто позы, просто тени, которые когда-то были людьми.

Седьмой — Глеб.

Святослав остановился и посмотрел. Глеб стоял чуть в стороне от остальных — не потому что хотел, а потому что не мог иначе. Поза была не кузнецкая, не ремесленная — испуганная. Плечи подняты, руки чуть согнуты в локтях, как будто он защищался. Голова наклонена не вперёд, а вбок — как мышь, которая слышит кошку.

Глеб боялся мышей. До дрожи. Даже здесь, даже став Зовущим, даже потеряв лицо — он боялся.

Святослав сделал шаг вперёд. Туман расступился — не потому что боялся, а потому что узнавал. Святослав был частью Тумана, Туман был частью его. Между ними не было границы.

Он подошёл к Глебу, остановился в шаге.

— Глеб, — сказал он. Тихо. Хрипло — связки атрофировались от молчания, голос был как шелест сухих листьев.

Глеб не ответил — не мог. Зовущие не говорили, они только звали. Молча. Позой. Взглядом — если бы у них был взгляд.

Святослав протянул руку и коснулся плеча. Плечо было холодным — не от Тумана, а оттого, что душа выгорела. Осталась только оболочка, которая помнила, как бояться.

— Я пришёл, — сказал Святослав. — Я не опоздал. Я здесь.

Глеб не шевелился, но Святослав почувствовал, что что-то изменилось — не в Глебе, в воздухе. Воздух стал плотнее, теплее, как будто Туман услышал, как будто Туман отозвался.

Святослав отёрнул руку. Он не мог позволить себе чувствовать. Чувство значило помнить, память значило быть человеком, а человек не мог идти до конца. Человек останавливался. Человек сомневался. Человек возвращался. Он не должен был возвращаться.

Он пошёл вдоль Зовущих. Медленно. Разглядывая каждого — не глазами, глазами он видел мало, а именами. Каждое имя звучало в его голове, как колокол.

Тарас. Маланья. Безымянный. Безымянная. Безымянный. Безымянный. Глеб.

Семь имён. Семь душ. Семь из сотен, из тысяч. Он не смог спасти всех — он знал это, он принял это. Но каждое имя было раной, рана не заживала, только покрывалась коростой, а короста срывалась при каждом новом имени.

Он остановился у Маланьи. Маланья была Искательницей — единственной женщиной в его дозоре до того, как он ушёл навсегда. Она смеялась громко, пела, когда шла, боялась не мышей, а тишины. Говорила: «В тишине слышно, как город врёт».

Она погибла в Складне. Не вышла. Её искали три дня. Нашли только косу — длинную, тёмную, лежащую на камне, как будто её отрезали.

Святослав посмотрел на косу. Коса была здесь, в Тумане. Она не исчезла, стала частью Маланьи. Часть её осталась здесь. Он протянул руку и коснулся. Волосы были тёплыми — теплее, чем плечо Глеба, теплее, чем его собственная кожа.

— Прости, — сказал он. — Я не смог.

Коса не ответила, но Святослав почувствовал: что-то отозвалось — не в косе, в нём. В его груди, где-то под рёбрами, где должно было быть сердце, но где давно уже ничего не билось.

Он отдёргнул руку.

Он вернулся на своё место, в десяти шагах от Врат, и сел — не потому что устал, а потому что надо было ждать. Ждать знака.

Знак приходил не каждый день: иногда раз в неделю, иногда раз в месяц, иногда раз в год. Знак говорил: пора. Пора идти, пора освобождать, пора кончать.

Сегодня знака не было. Но сегодня было имя — Лука.

Святослав закрыл глаза — не для того, чтобы не видеть, видеть он мог и с закрытыми глазами, а для того, чтобы слушать. Имя звучало ровно, спокойно, как дыхание.

Лука был его братом — не по крови, по выбору. Они выросли вместе, в одном приходе, в одном Храме. Вместе учились быть Хранителями, вместе стали Искателями, вместе ходили в Туман. А потом Лука остался, а Святослав ушёл. Не потому что хотел — потому что услышал. Услышал крики, услышал правду, услышал то, что Лука не мог услышать или не хотел.

Святослав не знал, что хуже.

Он открыл глаза и посмотрел на Зовущих. Они стояли, ждали — как и он.

И вдруг Глеб шевельнулся. Не всем телом — только рукой. Медленно, как будто через силу, как будто каждое движение стоило ему всего. Рука поднялась, пальцы выпрямились — и указали. Не на Врата, не на Святослава, не на Туман. На город. На Лазарет.

Святослав встал. Он посмотрел туда, куда указывал Глеб. Сквозь Туман, сквозь стены, сквозь расстояние — он увидел. Не глазами, именем. Имя Луки звучало оттуда, из Лазарета.

Лука был там. Лука был жив. Лука ждал.

Святослав почувствовал, как что-то сдвинулось в его груди. Не сердце — что-то под сердцем, что-то, что он не чувствовал двадцать лет. Он не должен был чувствовать — но почувствовал. Не должен был помнить — но вспомнил: Луку маленького, с книгой в руках. Луку с разбитой коленкой. Луку с первым заклинанием, которое не получилось. Луку со смехом, который звучал как колокол. Луку, который остался, который не услышал, который стал лекарем, который искупал.

Святослав заплакал. Впервые за двадцать лет. Слезы были чёрными — как Туман, как кровь, которая свернулась под ногтями, как ночь, которая не кончалась. Он не вытер их — не мог. Руки дрожали. Не от слабости — от человечности.

Он был человеком. Он забыл — как. Но вспомнил.

Зовущие стояли молча. Они не осуждали, не жалели — они просто были.

Глеб опустил руку медленно, как будто устал, как будто отдал всё, что мог.

Святослав посмотрел на него.

— Спасибо, — сказал он. — Я понял.

Глеб не ответил, но Святослав почувствовал, что что-то изменилось — не в Глебе, в воздухе. Воздух стал легче, как будто Глеб отпустил, как будто он простил. Святослав не знал, простил ли — но хотел верить.

Он повернулся и посмотрел на Туман. На свой дом, на свою тюрьму, на свою правду.

Он должен был идти. Не ждать знака, не ждать утра, не ждать разрешения. Лука ждал, город ждал, души ждали.

Он сделал шаг. Потом ещё один.

Туман расступился — не потому что боялся, а потому что узнавал. Святослав был частью Тумана, Туман был частью его, между ними не было границы.

Но сегодня граница появилась. Святослав шёл не как часть Тумана. Он шёл как человек.

За его спиной Зовущие стояли молча. Глеб смотрел ему вслед — не глазами, их не было, но смотрел.

Конец главы 3

Глава 4. Лазарет

За его спиной Зовущие стояли молча. Глеб смотрел ему вслед — не глазами, их не было, но смотрел.

В Лазарете было тихо — слишком тихо для места, где обычно стонали, дышали, умирали.

Яромир толкнул дверь плечом: руки были заняты — в правой пуговица, в левой кривой меч, который он не снимал даже в городе. Дверь скрипнула — петли окислились, бурые подтёки на косяке.

Лазарет встретил его запахом: травы — полынь, зверобой, что-то горькое, от чего сводило скулы; дым — от печи, которая топилась круглосуточно; кровь — старая, въевшаяся в половицы, которую не выскребешь. И под всем этим — сладковатый привкус Тумана, который был везде, даже здесь, за двумя стенами и запертыми дверьми.

Яромир остановился на пороге и обвёл взглядом зал. Длинный, бывший постоялый двор: балки низкие, копать на них слоями. Восемь лежанок по четыре с каждой стороны, заняты шесть. На двух — пустые тюфяки, сбитые в ком. На одной — Искатель, которого принесли ночью. На другой — старик с обожжённой рукой, которого Ползун схватил за предплечье три дня назад. Руку отняли выше локтя. Старик спал — или делал вид.

В глубине зала — перегородка из грубого полотна, за ней кабинет Луки. Свет пробивался сквозь ткань — тусклый, желтоватый, от лампы на ворвани.

Яромир шагнул внутрь. Сапоги — Мишкины — ступали мягко: железо на подошвах он счистил вчера, перед сном. Не потому что боялся разбудить, а потому что звон напоминал о гаснущем фонаре, а напоминаний хватало.

У третьей лежанки — женщина, молодая, с ребёнком на руках. Ребёнок не плакал, не шевелился, смотрел в потолок широко открытыми глазами. Женщина качала его механически — вперёд-назад, вперёд-назад, как маятник. Она подняла глаза на Яромира, увидела — и отвела, не от страха, от узнавания. Искатель. Тот, кто вернулся. Не все возвращаются, а те, кто вернулся, — не всегда те же самые.

Яромир прошёл дальше, к перегородке. Постучал костяшками по дереву — тихо, два удара.

— Войди, — голос Луки из-за перегородки, хриплый, усталый. Как всегда.

Кабинет Луки был тесным. Стол дубовый, с вытертыми краями. На столе — банки: настойки, мази, порошки, без этикеток. Лука не подписывал, говорил: «Если ты не помнишь, что в банке, — не пользуйся. Значит, не твой случай».

На стене — полка. На полке книги, старые, в кожаных переплётках, с потрескавшимися корешками. Одна раскрыта, лежит лицом вниз, страницы пожелтели от пальцев.

Лука сидел у окна, спиной к двери, смотрел наружу. Окно — маленькое, в пол-аршина, выходило на восток, на Врата Тумана. Отсюда не видно Врат, но видно Туман — серо-зелёный, с движением внутри, не от ветра, а от чего-то, что шевелилось само по себе.

Лука не обернулся.

— Садись, — сказал он.

Яромир сел на табурет у стены. Меч положил на колени — клинок волной, от ковки Данилы, рукоять в коже с левой голени. Пуговицу сжал в кулаке. Медь была тёплой.

— Принёс, — сказал Яромир.

Лука обернулся медленно, как человек, которого оторвали от чего-то важного. Лицо серое — не от болезни, от недосыпа. Мешки под глазами, как у Яромира, как у всех, но у Луки глубже. Губы потрескались, волосы седые у висков. Руки на подоконнике, пальцы тонкие, длинные, дрожат — не от старости, от магии, от той, которой он подлечивал Искателей и которая забирала своё.

Лука посмотрел на кулак Яромира.

— Покажи.

Яромир разжал ладонь. Пуговица лежала на середине линии жизни — медная, маленькая, с оборванным ушком, нитки не осталось.

Лука наклонился, посмотрел долго. Потом выпрямился и отвёл взгляд.

— Где нашёл?

— На Проломе. На одежде Мишки.

— Я знаю, чья она, — сказала Дарина.

Яромир посмотрел на неё.

— В Архиве — реестр всех Хранителей за последние пятьдесят лет, с пометками о дежурствах. Я нашла запись: той ночью, когда пропал твой дозор, на Третьем Круге дежурил брат Марк. Молодой Хранитель. Тот самый, что ходил с тобой к фонарю Горислава.

Яромир сжал пуговицу.

— Зачем он там был?

— Он сомневался, — сказала Дарина. — Как и ты. Он пошёл посмотреть, что происходит на Проломе, и увидел. Увидел, как стража исчезает, как одежда складывается, как что-то забирает. И не смог сказать — как и ты пять лет не мог.

Яромир молчал. Потом тихо:

— Значит, он не враг.

— Нет, — сказала Дарина. — Он свидетель. Как и мы.

Лука кивнул медленно, будто переваривал.

— Мишка, — повторил он тихо, как пробуя имя на вкус.

— Да. И Васька. Одежда сложена, сапоги рядом, оружия нет.

Лука провёл рукой по лицу. Пальцы оставили след на щеке — красный.

— И пуговица, — сказал он. Не вопрос — утверждение.

— Да. От рясы Хранителя.

— Хранители, — повторил Лука. Снова не вопрос. — На Проломе.

— Да.

Лука встал, подошёл к столу, налил воды из глиняного кувшина, выпил медленно. Рука дрожала, вода расплескалась по подбородку. Он не вытер.

— Хранители не ходят на Пролом, — сказал он и повернулся к Яромиру. — Ты же знаешь.

— Знаю.

— И пуговиц не теряют.

— Знаю.

Лука сел на край стола, свесил ноги, посмотрел в пол.

— Что это значит, Лука?

Лука молчал так долго, что Яромир успел сосчитать трещины на потолке. Семь. Вчера было шесть. Новая — тонкая, как волос.

— Не знаю, — сказал наконец Лука.

Яромир посмотрел на него пристально. Лука не врал — врать он не умел, никогда не умел, — но он недоговаривал. Это было хуже, ибо недосказанное давило сильнее лжи.

— Ты видел, кто там был? — спросил Яромир.

— Нет.

— Но ты знаешь, кто мог быть.

Лука поднял глаза и посмотрел на Яромира. В глазах было что-то — не вина, не страх, что-то между, как будто он держал что-то внутри, и это что-то рвалось наружу, но он держал.

— Я не видел, — повторил Лука. — Но я догадываюсь.

— О ком?

Лука не ответил. Повернулся к окну, снова посмотрел в Туман.

Яромир встал, подошёл к окну, встал рядом — плечо к плечу. Туман дышал медленно, ритмично, как лёгкое.

— Ты что-то видишь? — спросил Яромир.

Лука не ответил сразу. Потом кивнул.

— Силуэт.

Яромир прищурился, посмотрел внимательнее. Туман густой, серо-зелёный, с движением внутри, но силуэта нет.

— Где?

— У Врат. В десяти шагах.

— Я не вижу.

— Я вижу.

Яромир посмотрел на Луку. Тот не моргал, глаза широко открыты, зрачки расширены.

— Ты уверен?

— Уверен.

— Кто это?

Лука молчал. Потом сказал тихо, так тихо, что Яромир наклонился, чтобы расслышать.

— Не знаю. Но он смотрит сюда.

Яромир почувствовал, как по спине пополз холод — не от Тумана, а от того, что Лука не ошибался никогда. Если он видел — значит, видел. Если он говорил «силуэт» — значит, силуэт был.

— Давно? — спросил Яромир.

— С рассвета.

— И не двигается?

— Нет.

— Что он делает?

Лука отвернулся, посмотрел на лежанку в общем зале, на Искателя, которого принесли ночью.

— Ждёт, — сказал он.

Они вернулись в зал тихо — сапоги не стучали. Искатель на лежанке лежал, как лежал: на спине, руки вдоль тела, не шевелился. Глаза открыты, смотрел в потолок, не моргал.

Яромир подошёл ближе и посмотрел. Лицо молодое, лет двадцать пять. Щетина свежая, дня на два. Шрам на подбородке — старый, белый. Кожа бледная — не от болезни, а оттого, что он давно не был на солнце. Или оттого, что солнце не грело его долго. Дыхание ровное, слишком ровное, как у спящего, но глаза открыты.

— Кто это? — спросил Яромир.

— Костя, — сказал Лука. — Из второго дозора. Ушёл в Туман три дня назад, вернулся ночью.

— Один?

— Один. Дозор не нашли.

— Что с ним?

Лука пожал плечами.

— Живой. Дышит. Сердце бьётся. Но...

Он не закончил.

Яромир посмотрел на Костю пристально. Что-то было не так — не в лице, не в теле, в чём-то другом. В том, как он лежал: слишком ровно, слишком неподвижно, как будто не дышал, а делал вид, что дышит.

— Он тебя узнаёт? — спросил Яромир.

— Нет.

— Говорит?

— Нет.

— Ест?

Лука покачал головой.

— Открывает рот, когда подносят ложку. Глотает. Но не жуёт, как будто не чувствует вкуса.

Яромир присел на край лежанки и посмотрел Косте в глаза. Глаза карие, обычные, но пустые — не в смысле безумные, а в смысле отсутствующие, как окна в доме, где никто не живёт.

— Костя, — сказал Яромир тихо. — Костя, ты меня слышишь?

Костя не моргнул, не шевельнулся. Дыхание ровное.

— Он не здесь, — сказал Лука. — Тело здесь, а он — нет.

— Где?

— Не знаю. Может, в Тумане. Может, где-то ещё. Может, нигде.

Яромир встал и отошёл от лежанки.

— Почему ты мне это говоришь? — спросил он.

Лука посмотрел на него долго.

— Потому что ты спросишь. А я не умею врать.

— Ты мог не отвечать.

— Мог. Но тогда ты бы пошёл к Хранителям. А Хранители не помогут. Хранители скажут: «Он вернулся. Значит, всё в порядке. Идите домой».

— А ты не думаешь, что всё в порядке.

Лука покачал головой.

— Нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.